

■ Всадник. Гобелен.

“Вход в Иерусалим”, “Брак в Кане Галилейской”, “Тайная вечеря”...

— Я знаю, у тебя есть серия работ, посвященных Апокалипсису.

— Да. Ее появлению я в какой-то мере обязан Льву Регельсону, автору книги “Трагедия Русской Церкви”. Мы с ним задумали издать книгу об Апокалипсисе. Договорились: он пишет комментарии к Апокалипсису, я делаю иллюстрации. Тогда я посвятил этой теме более тридцати работ и даже возил их на выставку в Амстердам. Но книжка так и не вышла. О чем, впрочем, не жалею.

— Почему?

— Наши тогдашние взгляды и убеждения я теперь оцениваю как еретические. Осознать это мне помог случай. Священник, к которому я ходил, попросил меня написать икону для храма. Я отправился в книжную лавку искать прорисовку образа “Всех скорбящих радость” и

по краю. Сегодня я тебе все расскажу, а завтра встану ли с постели? Ведь художник фактически занимается магией. Когда я рисую, как Кайн убивает Авеля, то я сам в этом упражняюсь. Художник соприкасается с тонким миром, духовным. Но не всегда умеет с ним правильно общаться. Господь дал людям кожаные ризы, которые защищают от видения духовного мира, населенного не только ангельскими, но и демоническими образами. Когда я рисую, то соприкасаюсь с ними, но не могу различить их природу. Художник полагается на свою интуицию, которая часто его подводит, и он становится добычей демонических сил. Это не игрушки. Я понял, что соприкосновение с мистическими темами очень опасно. То же — и с иконой. Если я пишу икону и при этом не пощусь, не хожу в церковь, то она меня сжигает. Один художник в Высоко-Петровском монастыре начал делать ке-

станки, довольно примитивные. Работать на них очень тяжело. Я придумал такую систему, которая в два раза ускоряла работу. Оставалось лишь построить свой станок. Нужны были большие бревна. А здесь поблизости как раз дом ломали. Несколько дубовых балок я притащил и сделал вот эту конструкцию. Станок у меня уже 12 лет стоит. И с каждым новым гобеленом я его совершенствую. У меня в деревне еще один станок есть. Я его за неделю соорудил. Пошел в лес, срубил несколько деревьев — и за работу. Поблизости лишь топор, пила и гвозди.

— И много на своих станках соткал гобеленов?

— Пятнадцать. Самый большой — “Тайная вечеря”. Шесть квадратных метров.

— Где пряжу-то брал? Еще каких-то пять-шесть лет назад она была дефицитнейшим товаром.

КАК МОСКОВСКИЙ ХУДОЖНИК СОТКАЛ СЕБЕ ЖЕНУ

Андрей Малекин — художник редкостный. Картин он не пишет. Он их тклет: нитку за ниткой, стежок за стежком. Каждая работа съедает уйму времени — от пяти месяцев до года. При таких темпах можно и зубы на полку положить — если, конечно, щедрый заказчик не подвернется. Может, поэтому таких художников-ткачей в Москве да и во всей России осталось наперечет.

— Художник — это профессия или судьба?

— Промысел Божий. У меня получилось так: когда мне было девять лет, умерла моя мать. Когда мне было пятнадцать, умер отец. Я остался сиротой. И я уже несколько лет как рисовал. К 12 годам все мои интересы сконцентрировались на рисовании. Рисовал в школе, дома тоже рисовал. А воспитывала меня очень старенькая бабушка. Ей было 90 лет. Она знала три языка: английский, французский, немецкий. И долгое время преподавала их в Педагогическом институте имени Ленина.

Революцию она встретила уже сформировавшимся человеком. Ей тогда исполнился 31 год. Так что воспитан я в особой атмосфере, хранившей еще осколки дореволюционных традиций. Бабушка принадлежала к раздвоенному поколению, которое смогло выжить, лишь полностью отгородившись от своего дореволюционного прошлого. Она была дочерью крупного текстильного предпринимателя Павла Никаноровича Дербенева, городского головы в Иваново-Вознесенске.

То, что я поступил потом в Московский технологический институт, изучал там гобелен, батик и вообще все прикладное искусство, связан-

ное с текстилем, не было случайностью. Но я не знал тогда, что мой прадед был крупнейшим текстильщиком. Я даже толком не представлял себе, что такое батик или гобелен. Я мечтал стать художником, мечтал о Суриковском институте. Но все вокруг говорили, что в Суриковский или в Строгановку просто так не поступишь. Встал вопрос о моей художественной подготовке. И моя двоюродная сестра разыскала женщину, которая готовила к поступлению в “техноложку” на художника. Экзамены сдал хорошо...

— И попал, что называется, в десятку!

— Я тогда еще до конца не осознавал, какие возможности для художника таит в себе гобелен. Обычный художник, когда пишет картину, гуляет кистью по всему холсту, одновременно пишет ее разные части. В гобелене сразу получается готовое произведение. Его уже не подмалюешь, не поправишь, не переделаешь. Гобелен состоит из маленьких цветочных точек. Он напоминает мозаику, которую надо рассматривать на расстоянии, чтобы отдельные цветочные точки соединились в образ.

— А всякий ли образ может быть достойным гобелена?

— Когда вернулся из армии домой, то на следующий день начал рисовать батик гобелена “Блоковская незнакомка”... Закончил я его 1 сентября 1987 года. Наташу, свою жену, я первый раз увидел 30 октября того же года. А теперь смотри: вот фотография “Незнакомки” — и вот Наташа. Друзья спрашивали: она тогда у тебя жила? Ты с нее “Незнакомку” делал? Нет, не жила и вообще знакомы не были. Так получилось. Жена сошла ко мне из только что сотканного гобелена...

Если совсем серьезно, я все время искал большой сюжет. Шел к нему долго. Через поэзию серебряного века, через рок-музыку... Потом были Малевич, квадраты, прорыв к раскрепощенной форме. И наконец я подошел к религии. Были гобелены

Куранта. — 1998. — 26 марта. — с. 29.

Беседовал Александр Астафьев.

там мне попала книга Леонида Успенского “Богословие иконы православного храма”. Я ее начал читать, и мой мир просто перевернулся. Я понял, что Библия — не сборник каких-то сказок, а живая книга. Мы должны воспринимать Апокалипсис не как трагедию разрушения, хаоса, катастрофы, а, наоборот, как праздник. Как сочетание закланного Агнца-Христа с Церковью.

— И все же твои работы создают впечатление, что предчувствие конца истории, конца света не покидает тебя.

— Признаки приближения конца времен налицо. Мир опутан телефонной и радиосвязью, односторонний дракон — телевизор — присутствует в каждом доме, появился Интернет... Развитие системы коммуникаций способствует только одному — распаду человеческой личности, порабощению ее идолами массовой культуры, окончательному отпадению от Бога. А экологические катастрофы? А ядерное оружие? Растет и число святых — избранного Божьего народа. Оно все более приближается к своей полноте, все больше праведников, мучеников и страстотерпцев предстает перед престолом Божиим. Вот потому-то я в своем творчестве обратился к иконе.

К этому меня подтолкнула поездка в Псков. Героический стиль в архитектуре и иконописи потряс меня до глубины души. Вот где наши корни! Я обнаружил потрясающее совпадение нашего апокалиптического видения с тем видением, что было у наших предков. Дело в том, что христианский мир уже готовился к концу света в 1492 году — семитысячном от сотворения мира. Из путешествия в Псков я привез одну очень важную для себя максиму: как в жизни смысл имеет только Бог, так в искусстве смысл имеет только икона.

— Как же сочетание божественного и человеческого в жизни и в искусстве?

— Пытаюсь сочетать. Одну неделю пишу икону, другую — тку гобелен или пишу натюрморт. Когда решил поступать таким образом, обрел мир и спокойствие в своей душе.

— Говорят, в твоей жизни присутствуют мистические сюжеты...

— Честно признаюсь, боюсь обо всем рассказывать... Мы ведь ходим

рамические иконы, а у него раз — и правую руку парализовало. Потом, правда, отошла...

— Раньше иконописцы были монахами, жили в монастырях...

■ Похищение Европы. Гобелен.

— Ну я-то не монах. Мне семью содержать надо. Хотя очень надеюсь, что когда-нибудь к этому приду. Поселюсь в обители...

— Посты тебе помогают?

— Три года почти не ем мяса. Но не могу отказаться от молочных продуктов, даже в пост. Иначе — упадок сил, в обморок падаю. Поэтому по немоги моей духовный отец благословил меня и в постные дни вкушать сыр и молоко. Конечно, я недостоин писать иконы. Но я верю, что всемогущий Господь помилует меня. Потому что я занимаюсь творчеством предельно искренно. Без лукавства. Ведь для Бога мы все грязны, несовершенны, убоги, даже самые святые из нас. И Бог нас терпит только по своей неизреченной милости.

— Давай спустимся с неба на землю. Вот я вижу у тебя в мастерской ткацкий станок внушительных размеров — от пола до потолка. Откуда он у тебя?

— Сам смастерил. Когда я в институте учился, у нас стояли ткацкие

уж много — килограмм пряжи на квадратный метр гобелена.

— Нескромный вопрос: твоя работа тебя кормит?

— Худо-бедно кормлюсь с этого уже десять лет. Сначала гобелены Министерство культуры покупало. Потом пошла бешеная инфляция. Продавал картины за границу. Доллар тогда у нас высоко ценился. На сотню баксов я, жена и ребенок могли жить месяц. Затем и у нас обеспеченные покупатели появлялись стали, новые русские. Те, кто уже и квартиру купил, и обстановку. Осталось лишь украсить теперь дом чем-нибудь необычным. Гобеленом, например. Вещь, как ты понимаешь, в хозяйстве не самая необходимая. Были годы, когда некоторые картины по сорок долларов продавал, чтобы на хлеб заработать. Сейчас, похоже, черная полоса миновала.

— Чем занимаешься, когда не ткешь и не пишешь?

— Люблю с биноклем залезать на верхние этажи домов и смотреть вокруг. Наблюдать жизнь с высоты.

■ Икона Иверской Божией Матери.